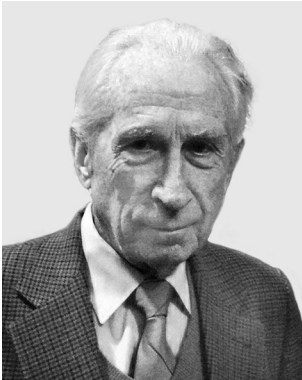

ПОНЯТИЕ ДЕЙСТВЕННОСТИ*

Е. В. БУЛЫГИН**

Булыгин Евгений Викторович,
почетный профессор
Университета Буэнос-Айреса
(Аргентина)

Философы права встречают серьезные трудности при формулировке удовлетворительного определения понятия действенности. Один из источников этих трудностей лежит в концепции, согласно которой *все* правовые нормы являются предписаниями, которые могут соблюдаться или не соблюдаться (Кельзен, Росс). Но правовые нормы имеют различные функции и не могут редуцироваться к одному-единственному типу. Необходимо также проводить различие между соблюдением и использованием норм: соблюдаться могут только те нормы, которые являются предписаниями (устанавливающие обязанности и запреты); другие нормы, наподобие тех, что наделяют полномочиями или дают определения правовым институтам, нельзя соблюдать или не соблюдать. Но нормы обоих этих типов могут использоваться для различных целей, например для обоснования действия или решения. Использование норм судами имеет особую важность для проблемы действен-

ности. Четкое разграничение между психологической мотивацией судьи и логическим обоснованием судебного решения наряду с пониманием действенности как диспозитивного свойства, позволяет вывести следующую формулу: правовая норма будет действенной, если и только если она имеет диспозитивное качество — если она применяется судами, т. е. используется судами.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: действенность, теория права, философия права, Альф Росс, Ганс Кельзен, право, обоснование, норма, решение.

BULYGIN E. V. THE NOTION OF EFFICACY

Legal philosophers have serious difficulties giving a satisfactory definition of the concept of efficacy. One of the sources of these difficulties lies in the conception that *all* legal norms are prescriptions which only can be obeyed or disobeyed (Kelsen, Alf Ross). But legal norms have different functions and cannot be reduced to one single type. It must also be distinguished between the obedience and the use of the norms: only norms which are prescriptions (i. e., which establish obligations and prohibitions) can be obeyed; other norms, such as those that confer powers or define legal institutions cannot be obeyed nor disobeyed. But both types of norms can be *used* for different purposes,

* Пер. с нем. М. В. Антонова (mich.antonov@gmail.com) по изданию: *Bulygin E. Der Begriff der Wirksamkeit // Archiv für Rechts- und Sozialphilosophie. 1965. N 41. S. 39–58.*

** Bulygin Eugenio — emeritus professor of the University of Buenos Aires.

© Bulygin E., 1965

© Антонов М. В., перевод на русский язык, 2016

for instance, to justify an action or a decision. The use of the norms by the courts has a particular relevance for the problem of efficacy. A clear distinction between the psychological motivation of the judge and the logical justification of his decision, together with the interpretation of efficacy as a dispositional property, allows the derivation of the following definition: a legal norm is efficacious if and only if it has the disposition to be applied by the courts, i.e. by used by the judges to justify their sentences.

KEYWORDS: efficacy, legal theory, legal philosophy, Alf Ross, Hans Kelsen, law, justify, norm, decision.

§ 1. Введение. Далее будет углубленно рассмотрено понятие действительности¹. Прежде всего, нас интересует вопрос о тех условиях, при которых правовая норма может быть обозначена как действительная или же как недействительная. В этом плане мы исследуем использование данного термина в юридическом языке, а также изучим его значение². Нет нужды подчеркивать, что здесь речь идет исключительно об аналитическом вопросе, который ограничивается уточнением границ понятия и не претендует на проведение эмпирического исследования социальной реальности. Между этими двумя видами исследования должно быть проведено четкое разграничение. Нельзя также упускать из виду то, что логический анализ языка не только затрагивает вопросы словоупотребления, но и, как подчеркивает Г. Л. А. Харт³, требует понимания фактов, поскольку (если использовать здесь несколько видоизмененное выражение Дж. Л. Остина) внимательное отношение к словам обостряет наше восприятие явлений⁴.

В традиционной философско-правовой литературе уточнение понятия действительности привлекало к себе мало внимания. Зачастую исследователи удовлетворяются тем, что рассматривают это понятие как ясное и беспроблемное. В тех относительно редких случаях, когда этому понятию уделяется внимание, оно все равно уступает намного более важной проблеме действительности. У склонных к естественному праву авторов такое отношение вполне объяснимо: если действительность правовых норм не зависит от их действительности, то последней уделяется мало значения. Но менее понятно, почему данная проблема остается на заднем плане внимания позитивистов, тем более с учетом того, что действительности приписывается роль необходимого и достаточного условия действительности⁵.

¹ Настоящее исследование представляет собой частичный результат исследования, проведенного благодаря стипендии Фонда им. Александра фон Гумбольдта. Автор должен сердечно поблагодарить названный Фонд за его щедрую поддержку, а также профессоров Альфа Росса и Ульриха Клуга за их ценную помощь и стимулирующую критику.

² Wittgenstein L. Philosophische Untersuchungen. London, 1953. Par. 53.

³ Hart H. L. A. The Concept of Law. Oxford, 1961. Preface.

⁴ Austin J. L. A Plea For Excuses // Austin J. L. Philosophical Papers. Oxford, 1961. P. 130.

⁵ Так, в чистом учении о праве действительность является необходимым условием, поскольку норма права утрачивает действительность, если вследствие длительного неприменения становится недействительной (Kelsen H. Reine Rechtslehre. Wien, 1960. S. 218–219). Действительность также выступает достаточным условием, поскольку Кельзен признает обычай в качестве правотворящего источника (который не может исключаться в силу конституции); а нормы обычая являются нормами, которые выводят свою действительность из действительности. О понятиях достаточного условия и необходимого условия,

Лишь со становлением так называемого реалистического учения о праве проблема действенности оказалась на первом плане. Если отрицается существование чего-то подобного действительности, то действенность остается единственным значимым для правоведения свойством правовых норм.

Поскольку в реалистических учениях понятие действенности занимает центральное место, целесообразным будет особенно внимательно рассмотреть здесь именно данные теории. Наиболее значимый вклад в прояснение интересующей нас проблематики сформулирован в книге «О праве и справедливости»⁶ датского философа права Альфа Росса; автор этой книги тщательно анализирует понятие действующего, или действительного, права (эти два термина у Росса имеют одинаковое значение). В основу нашего рассуждения о понятии действенности мы положим весьма поучительные идеи Альфа Росса.

Далее, в § 2, мы изучим трудности, возникающие при подходе к действенности с точки зрения Росса, после чего попытаемся вскрыть причины этих трудностей (§ 3). В первую очередь, эти трудности связаны с представлением (которому следует и Кельзен) о том, что право состоит исключительно из норм, адресатами которых являются судьи. Здесь мы рассмотрим радикальное различие между соблюдением и применением норм; это различие четко проявляется, только если применение определять как использование норм для обоснования судебных решений. Но само по себе понятие обоснования требует тщательного прояснения; в связи с этим в юридической литературе весьма часто встречается смешение логических и психологических вопросов. По этой причине прояснению понятия обоснования будет посвящено больше места (§ 4), чем для уяснения понятия действенности в строгом смысле. Предлагаемая нами трактовка обретает свой полный смысл, если только обоснование понимается как логическое отношение между нормами и судебным решением. В § 5 мы займемся проблемой истолкования высказываний о действенности. И последний параграф (§ 6) будет посвящен вопросам обоснования и применимости предлагаемых нами критериев действенности.

§ 2. Критика теории Росса. Не требуется приводить особых оправданий тому, что изложению учения Альфа Росса мы предпосылаем краткую характеристику воззрений Кельзена на действенность, — «реалистическое учение» Росса во многих отношениях может рассматриваться как продукт критического расхождения с чистым учением о праве.

Для Кельзена правовая норма является действенной, если ее соблюдают или применяют⁷. Соблюдение состоит в исполнении юридических обязанностей; применение заключается в вынесении решений об осуществлении актов принуждения (санкций) и исполнении таких решений. Между этими двумя понятиями есть тесная взаимосвязь, поскольку для Кельзена, как известно, нет лишенных санкций юридических обязанностей. То, что

а также параллельного деления между их экстенсивными импликациями см.: *Klug U. Juridische Logik. 2. Aufl. Berlin, 1958. Par. 4.*

⁶ *Ross A. On Law and Justice. London, 1958. Ch. 1, 2.*

⁷ *Kelsen H. Reine Rechtslehre. S. 11.*

некое поведение предписано правопорядком, т. е. является содержанием юридической обязанности, означает, что противное поведение влечет санкцию⁸. Следовательно, правовая норма будет обозначена как недействительная, если она не соблюдается и при этом соответствующая санкция не применяется.

Если такой критерий применить к любому закону, например к Германскому гражданскому уложению, то возникают трудности: по отношению к большей части содержащихся в ГГУ параграфов не может идти речь ни о соблюдении, ни о несоблюдении, поскольку они не устанавливают каких-либо юридических обязанностей и не влекут никаких санкций. Возьмем в качестве примера норму, которая предписывает, как может делаться завещание или заключаться договор. Если предписанные законом условия не выполнены, то соответствующий договор будет ничтожным, но при этом не будут нарушены юридические обязанности и не будут применяться санкции⁹ — здесь мы не имеем ни правонарушения, ни его последствий. Как же здесь может быть применен предлагаемый Кельзеном критерий? Очевидно, что ответ Кельзена на этот вопрос будет гласить, что рассматриваемые предписания являются не полноценными нормами, а лишь фрагментами норм, и что эти предписания имеют смысл только в сочетании с настоящими, т. е. предписывающими санкции, нормами¹⁰.

Здесь мы не можем вдаваться в критику предлагаемого Кельзеном определения нормы права, которое покоится на представлении о том, что все правовые нормы должны иметь одну и ту же структуру; вместе с тем остается вопрос о том, можем ли мы проверить такие «несамостоятельные» нормы на предмет их действительности. Речь идет совсем не об исключительных случаях, поскольку весьма значительная часть правопорядка состоит из таких самостоятельных норм¹¹.

В учении Альфа Росса мы видим дальнейшее развитие идеи Кельзена, согласно которой правовые нормы являются директивами, предписывающими санкции. И хотя Росс проводит различие между двумя разновидностями норм (он называет их «нормами поведения» и «нормами компетенции»¹²), тем не менее нормы компетенции не представляют собой самостоятельной категории и могут быть истолкованы как косвенно сформулированные нормы поведения. Тем самым нормы компетенции могут быть редуцированы к нормам поведения, и все правовые нормы могут пониматься как гипотетические предписания (директивы), обращенные

⁸ Ibid. S. 120.

⁹ Ничтожность не является санкцией в смысле чистого учения о праве, поскольку она не представляет собой акта принуждения. Об истолковании ничтожности как санкции и о критике такого истолкования см.: *Hart H. L. A. The Concept of Law. P. 33 ff.*

¹⁰ *Kelsen H. Reine Rechtslehre. S. 55.*

¹¹ К этой категории принадлежат все правовые нормы, которые наделяют публично-правовым или частноправовым правомочием и регулируют создание, изменение и прекращение норм, устанавливающих обязанности и санкции. Сюда также относятся нормы конституционного права и процессуальные нормы, а также значительная часть иных областей публичного и частного права.

¹² *Ross A. On Law and Justice. P. 32 ff.*

к судьям и иным подобным органам правопорядка и содержащие санкции. За счет этого судьи¹³ оказываются единственными адресатами правовых норм, а сами правовые нормы могут соблюдаться или не соблюдаться только судьями. Для Росса применение судьями правовых норм состоит как раз в том, что судья следует обращенным к нему директивам, т. е. его поведение мотивировано данными директивами. В этом плане единственным критерием действенности будет применение правовых норм судами¹⁴.

Вместе с тем понятие применения получает соответствующее расширение: Росс вкладывает в это понятие не только предписание и исполнение санкций, как у Кельзена. Говорить о применении можно в любом случае мотивации поведения судьи правовой нормой, независимо от того, заканчивается ли процесс оправданием или осуждением подсудимого. Ограниченность кельзеновского понятия применения особенно четко проступает в гражданском процессе, поскольку здесь достаточно редко предписываются или исполняются меры принудительного взыскания (единственная наличествующая в гражданском праве санкция).

Таким образом, действительными правовыми нормами являются такие, которые фактически применяются судами; а на вопрос о том, какие нормы применяются судами, можно ответить только путем наблюдения за фактическим поведением судей. Но ясно, что не любое регулярное поведение судей может рассматриваться в качестве выражения некой правовой нормы. Так, судья может иметь привычки, которые не обусловлены какой-либо нормой и через которые не создается никаких норм. Как можно провести различие между простым обыкновением и порожденной (через обычай) правовой нормой?

Альф Росс подчеркивает, что простого наблюдения за внешним поведением судьи недостаточно для того, чтобы установить, какие нормы применяются судьей и какие нормы, соответственно, являются действительными¹⁵. Для Росса различие состоит в том, что в случае применения правовой нормы поведение судьи мотивируется некой нормативной идеологией, т. е. тем, что он чувствует себя связанным нормой: «Изменчивое поведение судьи может быть понято и предсказано только через идеологическую интерпретацию, т. е. посредством постулирования определенной идеологии, которая вдохновляет судью и мотивирует его действия. По-другому это можно сказать следующим образом: право предполагает не только регулярность в способе поведения судьи, но и опыт переживания

---

¹³ Здесь и далее мы будем использовать слова «судья» и «суд» в широком смысле, охватывающем все органы, задействованные в рассмотрении дел и вынесении по ним решений. Таким же образом эти слова используются и Россом.

¹⁴ Нельзя никак установить, исполняет ли население юридические обязанности и избегает ли санкций за счет такого исполнения.

¹⁵ «Нельзя определить, что является действующим правом, при помощи сугубо бихевиористских методов, т. е. путем внешнего наблюдения за регулярностью реакций (обыкновений) судей... Не любая внешняя и наблюдаемая регулярность в поведении судьи является выражением действительной нормы права» (Ross A. On Law and Justice. P. 37–38).

судьей его связанности нормами. Понятие действительности¹⁶ включает в себя два момента: с одной стороны, внешнее наблюдаемое и регулярное соблюдение некоего образца поведения, а с другой — переживание этого образца поведения как социально обязывающей нормы»¹⁷.

Тем самым различие между простым обычаем и действенной правовой нормой основывается на психологических переживаниях судьи (чувство связанности нормой), которое выступает в качестве необходимого (но не достаточного) условия действенности.

Как представляется, этот критерий неудовлетворителен по двум причинам.

Во-первых, выдвигаемые Россом возражения против «психологического реализма» (Кнуд Иллум, Карл Оливекрона) обращаются со всей своей силой против теории самого Росса. Если недостаток критикуемого им учения заключается, как подчеркивает Росс, в том, что понятие действенного права связывается с такими психологическими фактами, как правосознание народа¹⁸, то если мы заменяем народное сознание чувствами судей, это не приводит к значительному прогрессу, поскольку и понятие «чувства судьи» также относится к «индивидуальной психологии».

Во-вторых, данный критерий оказывается неподходящим для описания определенных правовых норм и даже приводит к явному противоречию в теории Росса. Несомненно, в большинстве случаев судьи ощущают в качестве обязывающей ту норму, которую они должны применить; но это всего лишь фактическое, случайное состояние дел, которое не может выдвигать никаких претензий на логическую необходимость. Можно легко найти и примеры, когда дело обстоит иным образом. Сам Росс поможет нам в этом: «Если существующий режим не получает от тех, кто ему подчинен, идеологического одобрения в их правосознании, но этому режиму повинуются только из страха, то подчиненные субъекты воспринимают режим не как правопорядок, а как диктат силы или насилие... Это применимо, например, к населению оккупированной страны и его отношению к авторитарному режиму, поддерживаемому только военной силой»¹⁹.

Вполне можно себе представить, что судьи в оккупированной стране рассматривают распоряжения оккупационных властей как произвольные и противоправные приказы, но при этом соблюдают и применяют эти рас-

¹⁶ Использованное в английском издании «О праве и справедливости» слово *validity* является, как подчеркивает сам Росс, ошибочным переводом соответствующего датского термина (*Ross A. Validity and the Conflict between Legal Positivism and Natural Law // Revista Juridica de Buenos Aires. 1961. N 4*). В любом случае в рассматриваемом аспекте использованный Россом термин «действительность» оказывается равнозначным «действенности». См. испанский перевод Хенаро П. Каррио: *Ross A. Sobre el Derecho y la Justicia. Buenos Aires, 1963*.

¹⁷ *Ross A. On Law and Justice. P. 37*.

¹⁸ «Кардинальное возражение на психологический реализм заключается в том, что правосознание представляет собой понятие индивидуальной психологии. Связывая понятие действительного права с индивидуальным правосознанием, это направление реализма превращает право в индивидуальное явление, равнозначное морали» (*Ibid. P. 72*).

¹⁹ *Ibid. P. 55*.

поряжения из соображений страха или самосохранения. С точки зрения предлагаемого Альфом Россом единственного критерия такие распоряжения не будут правовыми нормами, поскольку в них отсутствует идеологический элемент чувства связанности, которое выступает как единственное условие для существования действенных норм. Но Росс, очевидно, не применяет этот критерий, когда говорит: «Все же с когнитивно-дескриптивной точки зрения — а именно таковой должна быть позиция правоведения как формы научной деятельности — невозможно провести различие между правопорядком и режимом насилия... Разумеется, было бы возможно так ограничить понятие права объективной, социально-психологической характеристикой, чтобы в качестве правового рассматривать только то, что получает идеологическое одобрение со стороны большинства субъектов. Однако я не вижу в этом никакой выгоды — на самом деле, невыгодно привязывать понятие к такому критерию, с которым на практике трудно работать. Более того, независимо от того, получает ли одобрение некий порядок, его все равно нужно описывать; и такое описание можно осуществить при помощи понятия правового порядка, т. е. норм, касающихся употребления силы»²⁰.

Это звучит достаточно убедительно для того, чтобы отказаться от характеристики действенности при помощи психологических переживаний или чувств.

§ 3. Соблюдение и использование норм. Мне кажется, что причины трудностей, обнаруженных при анализе сформулированного Россом понимания действенности, следует искать в двух источниках. Во-первых, речь идет о недостаточно четком различии между соблюдением и применением нормы, тогда как они представляют собой два принципиально отличных друг от друга процесса. Во-вторых, непроясненным остается вопрос об отношении между нормами и судебным решением — не проводится ясной разграничительной линии между логической операцией обоснования и психологическим отношением мотивации.

Сначала мы займемся прояснением проблемы обоснования, чтобы затем обратиться к изучению первого вопроса.

В большинстве современных правовых теорий подчеркивается нормативная (прескриптивная или директивная) функция правовых норм, которая противопоставляется описательной (дескриптивной или индикативной) функции научных высказываний. В этом плане правовые нормы являются императивами (Кельзен, Энгш)²¹ или директивами (Росс), т. е. высказываниями, при помощи которых предписывается (или запрещается) определенное поведение; такие нормы могут соблюдаться или не соблюдаться. Идея, согласно которой правовые нормы могут только соблюдаться или не соблюдаться, принимается по умолчанию почти всеми нормативными теориями права; при этом упускается из виду или оставляется без

²⁰ Ibid. P. 56.

²¹ *Kelsen H.* Reine Rechtslehre. S. 73; *Engisch K.* Einführung in das juristische Denken. 2. Aufl. Stuttgart, 1959. S. 21 ff.

должного внимания тот факт, что правовые нормы могут иметь и другие функции. Норма может не только соблюдаться, но и *использоваться*²². Если некая норма используется для того, чтобы, например, обосновать или раскритиковать некое действие, то такое использование представляет собой совершенно иную деятельность по сравнению с соблюдением некоего императива, а норма при этом выполняет совершенно иную функцию. Если судья применяет некую норму, то он использует ее для обоснования своего решения; было бы ошибочным описывать данное действие как соблюдение нормы. Если судья должен выбрать между двумя нормами (*a* и *b*) и останавливает свой выбор на норме *b*, то, очевидно, нельзя сказать, что судья не соблюдает норму *a*. Судью можно упрекнуть в том, что его решение необоснованно (решение может быть отменено по причине недостаточной обоснованности), но здесь не может идти речи о несоблюдении или же о нарушении обязанности. Там, где нет несоблюдения, не может быть и соблюдения. При вынесении решения судья следует нормам, которые обязывают вынести решение (поэтому судья не может отказаться от того, чтобы вынести решение по делу), однако применяемые судьей нормы используются, но не соблюдаются им²³.

Мы уже установили, что не все нормы могут соблюдаться; соблюдение норм возможно только там, где они предписывают определенное поведение (требуют его или запрещают), т. е. вменяют в качестве обязанности некое действие или воздержание от действия. Это означает, что не все высказывания, которые в обычном юридическом словоупотреблении обозначаются как правовые нормы, фактически являются нормами — если под нормой понимать предписание или директиву. В этом отношении представляется целесообразным ограничить применение термина «правовая норма» директивами, а те правовые установления, которые не являются директивами, обозначать как «юридические правила» — в том смысле, в котором говорят о правилах игры, грамматических или логических правилах (поскольку они выполняют схожие функции)²⁴. Словосочетание «юридическое правило» будет обозначать примерно тот круг правовых установлений, которые Харт назвал «вторичными правилами»²⁵. Насколько мне известно, Харт использовал словосочетание «юридическое правило» для обозначения особой разновидности правил, не желая редуцировать их к нормам («первичным правилам», по терминологии Харта). Кельзен и Росс также видели это различие, но данные правила они рассматривали как нор-

²² Различие между соблюдением и использованием четко проявляется уже на примере простых императивов (приказов): отец приказывает открыть окно; ребенок открывает окно (следует приказу). На вопрос «Почему ты открыл окно?» ребенок отвечает: «Потому что так мне приказал отец» (использует приказ для того, чтобы обосновать свое действие).

²³ Как отмечает Харт, правовые нормы могут использоваться для различных целей; однако здесь нас интересует вполне определенное использование — обоснование правовых решений.

²⁴ Эти правила, возможно, было бы лучше характеризовать как установления (дефиниции).

²⁵ *Hart H. L. A. The Concept of Law. P. 26–48, 78–79, 239.*

мы, хотя и несамостоятельные (как, например, «нормы компетенции»). Однако эта терминология неудовлетворительна, поскольку здесь речь вовсе не идет о нормах. Хотя из того, что такие правила не являются нормами, не следует, что они не могут быть самостоятельными и что их обязательно нужно сводить к нормам; подобные выводы — та цена, которую нужно платить за догму, согласно которой право состоит *только* из норм.

Как бы они ни различались между собой, правила имеют нечто общее с нормами: подобно нормам, правила могут использоваться для обоснования правовых решений. В этом отношении важно, что Альф Росс рассматривает именно применение, а не соблюдение в качестве критерия действенности. За счет этого сфера действия данного критерия распространяется и на юридические правила. Но мне кажется, что Росс недостаточно четко различает соблюдение и использование. Поскольку Росс все правовые нормы²⁶ рассматривает как обращенные к судье директивы, применение понимается им в том смысле, что судья соблюдает нормы, *когда* он обосновывает с помощью норм свое решение. Таким образом, мы находим у Росса два различных критерия действенности, которые используются так, что речь может идти либо об одном, либо о другом критерии. Когда Росс рассматривает действенность через призму психологического подхода, он добавляет: «Во-вторых, требуется более четкое определение того, что имеется в виду под утверждением, что правило применяется судами... Применение правила в юридической практике... может означать только то, что в решениях, где, как предполагается, присутствуют те юридические факты, которые предусмотрены в правиле, такое правило представляет собой неотъемлемую часть аргументации, лежащей в основании решения; соответственно, правило является одним из решающих факторов, предопределяющих то заключение, к которому пришел суд»²⁷.

Эта характеристика, которая, очевидно, должна служить лишь для прояснения вышесказанного, вводит совершенно новое понятие применимости как действенности. Здесь обоснование решения через норму является достаточным и необходимым условием применимости нормы. Не требуется, чтобы судья воспринимал норму как связывающую или же чтобы он имел какие-либо чувства: достаточно того, что он упоминает норму при обосновании. Этот критерий позволяет говорить о действенных правовых нормах и в тех случаях, когда судьи действуют из страха или соображений самосохранения — психоанализ переживаний судей здесь не нужен. Тем самым действенность ставится в зависимость от обоснования решения вместо зависимости от чувств судьи; акцент делается на том, что *говорит* судья, а не на том, что он *чувствует*. Следовательно, норма является действенной тогда, когда судья говорит, что применяет ее, т. е. когда она используется судьей для обоснования решения; при этом безразлично, какими психологическими мотивами обусловлено его решение.

²⁶ В дальнейшем, следуя обычному словоупотреблению, мы будем использовать словосочетание «правовая норма» в широком смысле, охватывающем также юридические правила.

²⁷ Ross A. On Law and Justice. P. 42.

Разумеется, простого высказывания судьи о том, что он применяет эту или другую норму, будет недостаточно, ведь резолютивная часть решения может не согласовываться с мотивировочной. Решение должно быть *обосновано* при помощи нормы. Но что же представляет собой обоснование судебного решения? Иными словами, каково отношение между мотивировочной и резолютивной частями судебного решения? Здесь мы приходим ко второму источнику вышеупомянутых затруднений.

§ 4. Обоснование судебного решения. Здесь речь пойдет о проблеме, которая вызывает большое замешательство в традиционном правоведении. Есть две очевидно противоположные и ожесточенно борющиеся друг с другом теории: одна делает акцент на нормах, а судопроизводство сводит к механической операции (эту теорию мы будем называть «силлогистической»); другая теория не придает нормам почти никакого значения и подчеркивает правотворческую функцию судьи. Между этими двумя теориями существует достаточно обширное пространство, заполненное различными промежуточными мнениями.

Основные тезисы силлогистической теории могут быть суммированы в следующих положениях²⁸:

A1) судебное решение есть следствие из логической (дедуктивной) аргументации судьи, которая имеет форму силлогизма;

A2) посылки данного силлогизма содержатся в применяемых нормах и в высказываниях, описывающих факты;

A3) деятельность судьи (если абстрагироваться от его действий по установлению фактов) является чисто механической: судье достаточно только вывести логическое следствие из заданных посылок;

A4) судебное решение определяется нормами; поэтому единственной задачей правоведения является познание правовых норм (законов)²⁹.

В качестве (отчасти здоровой) реакции на формализм силлогистической теории в конце XIX — начале XX в. возникло множество течений, направленных прежде всего против «механистического» понимания судебной деятельности. Новые идеи нашли характерное выражение в школе свободного права и в американском правовом реализме. Приверженцы этих учений сформулировали следующие тезисы³⁰:

B1) правовые нормы не являются единственным (и даже важнейшим) фактором, определяющим судебные решения;

B2) на самом деле судью мотивируют множество различных факторов: политические соображения, моральные и религиозные идеи, личные оценки, эмоции и т. п.;

B3) судья сначала принимает решение и только потом обосновывает его через правовые нормы; содержащаяся в мотивировочной части

²⁸ Эта теория представлена прежде всего в сочинениях представителей экзегетической школы: Блондо, Мурлон, Лоран и др.

²⁹ *Demolombe Ch. Cours du Code Napoléon. Paris, 1888. Vol. 1.* — Сюда же относятся известные запреты толкования закона в Кодексе Юстиниана.

³⁰ См., напр.: *Frank J. Law and the Modern Mind. 2nd ed. London, 1949; Isay H. Rechtsnorm und Entscheidung. Berlin, 1929.*

решения аргументация является лишь рационализацией резолютивной части;

В4) соответственно, изучение законов имеет небольшое значение и должно быть заменено изучением психологических и социологических факторов, которые мотивируют судью.

Мы намеренно обрисовали крайние версии двух данных теорий для того, чтобы ясно подчеркнуть присущую им обеим ошибку: смешение логических и психологических вопросов. И хотя в такой грубой форме эти два воззрения уже почти не встречаются в современной науке о праве, разграничение психологических и логических вопросов часто проводится с недостаточной четкостью, что явно указывает на упомянутое нами смешение³¹.

Судебное решение нормативно обосновано, если оно может быть логически выведено из определенных норм (вместе с высказываниями, описывающими факты). Таким образом, нормативное обоснование есть логический вопрос. Логическое отношение, которое существует между обосновывающими нормами и решением, является отношением логической импликации³²: нормы имплицитно решают, или (что то же самое) решение выводимо из норм, т. е. может быть выведено при помощи логических законов³³. Связанность судьи «законом и правом» (ч. 3 ст. 20 Конституции ФРГ) состоит именно в том, что судья должен обосновать свои решения при помощи норм. Почти во всех современных правопорядках судьи напрямую обязываются к тому, чтобы обосновывать свои решения, т. е. *эксплицитно* их аргументировать.

Это логическое отношение между обосновывающими нормами и решением зачастую смешивается с причинно-следственной мотивацией судьи. Какие мотивы определяют решение — это психологический вопрос, который для вопроса об обосновании решения совершенно незначим.

Если не упускать из виду различие между логическим и психологическим вопросами, будет ясно, что антагонизм двух кратко охарактеризованных выше теорий лишь кажущийся, поскольку эти теории развиваются на различных уровнях.

Силлогистическая теория правильно утверждает, что правовое решение является логическим следствием дедуктивного вывода и что при

---

³¹ Четкую формулировку разграничения между логическими и психологическими вопросами см.: *Engisch K. Einführung in das juristische Denken*. S. 49.

³² Решение может быть обосновано не только дедуктивно (т. е. через нормативное обоснование), но и индуктивно (эмпирически), например, если судья указывает на очевидные последствия своего решения. Но и в этом случае обоснование заключается в логическом отношении между обосновывающими высказываниями и решением (если оно не является логической импликацией). Ни в коем случае нельзя путать такое обоснование с психологической связью, которая также может возникнуть, если решение судьи причинно-следственно определяется его представлениями о последствиях.

³³ Нет принципиальных препятствий к тому, чтобы применять правила логического вывода к нормативным высказываниям. См. об этом: *Hare R. M. The Language of Morals*. Oxford, 1952. Ch. 2, 3; *Klug U. Bemerkungen zur logischen Analyse einiger rechtstheoretischer Begriffe und Behauptungen* // *Klug U. Logik und Logikkalkül*. Freiburg; München, 1962; *Alchourron C. E. Argumentos Juridicos a fortiori y a pari* // *Revista Juridica de Buenos Aires*. 1961. N 4.

этом применяемые нормы играют роль посылок (тезисы А1 и А2). Но она считает возможным из данного положения дел сделать вывод, который был бы допустим, только если помимо логического отношения имелась бы также причинно-следственная связь между нормами и решением. Из того, что решение выводимо из норм, совершенно не следует, что деятельность судьи должна быть чисто механической³⁴. Механические методы вывода возможны только в рамках строго формализованных языков и то лишь в ограниченной степени³⁵.

Реалистическая теория предлагает достаточно корректное описание психологического процесса судопроизводства и причинно-следственных связей. Несомненно, тезисы В1, В2 и В3 являются истинными, но они едва ли могут играть отводимую им роль, т. е. демонстрировать ложность тезисов А1 и А2. Все эти тезисы не только не противоречат друг другу, но и оказываются полностью совместимыми. Временная последовательность, в рамках которой принимается и обосновывается решение (В3), необходима для аргументации решения; можно заметить, что здесь речь идет о решении и обосновании как о психологических процессах³⁶. То же самое касается факторов, которые оказывают влияние на решение судьи. Обоснованию решения никак не вредит то, что судья действует из страха или что он подкуплен. И морально испорченный судья может выносить очень хорошо обоснованные решения — это будет тем более правдоподобно, что именно в тех случаях, когда решение судьи вызвано не чувством связанности правом, а другими, не заслуживающими уважения мотивами, судье приходится приложить усилия к тому, чтобы снабдить свое решение убедительным нормативным обоснованием.

Также и два вывода А4 и В4 не являются взаимоисключающими, хотя зачастую они воспринимаются как противоречащие и даже противоположные друг другу тезисы. Знание о факторах, влияющих на мотивацию судьи, имеет огромное значение для практикующего адвоката, задача которого состоит в том, чтобы склонить судью на свою сторону и предсказать решение; равно как и знание норм для судей и для юристов, задача которых заключается в аргументации или критике решения, также является насущно необходимым.

³⁴ Среди юристов имеется очень широко распространенный предрассудок, согласно которому логическое отношение обоснования связывается с учением о механистическом характере деятельности судьи. Как сторонники, так и противники силлогистической теории часто допускают одну и ту же ошибку, когда приводят примерно следующую аргументацию: «Решение выводимо из норм, *поэтому* судья является автоматом». В обоих случаях посылки верны, а следствия — ложны, и в основе этих двух выводов лежит одна и та же ошибка.

³⁵ Ср.: *Klug U. Grundsätzliches zur Anwendung kybernetischer und informationstheoretischer Methoden im juristischen Bereich // Festschrift für Hermann Jahrreiss. Köln; Berlin, 1964.*

³⁶ Помимо прочего, путаница вызывается тем, что слова «решение» и «обоснование» многозначны и могут обозначать как известные психологические процессы (акт принятия решения, акт обоснования), так и результаты подобных психологических операций, которые представляют собой логические объекты.

Если действенность мы определяем через то, что обозначаем некую норму как действенную, если она используется для обоснования судебного решения, то под этим подразумевается, что норма вступает в известное (охарактеризованное выше) *логическое* отношение с решением; из этого, однако, не следует, что норма психологически мотивирует судью или путем такой мотивации обуславливает решение. Только строгое разграничение между этими двумя отношениями может помочь избежать психологизма при установлении того, что есть действенность.

Альф Росс также не проводит четкой границы между логическим и причинно-следственным отношениями, хотя он, естественно, не принимает сторону ни одной из охарактеризованных выше теорий³⁷. Возможно, следовало бы заняться поиском тех причин, по которым он считает близкими друг к другу или даже отождествляет два совершенно разных критерия действенности. Как кажется, для Росса упоминание нормы в мотивировочной части решения равнозначно причинно-следственной обусловленности решения данной нормой³⁸.

§ 5. Анализ высказываний о действенности. Из нашего предшествующего анализа следует, что высказывание «Норма *p* является действенной» выражает, что *p* применяется судьями, т. е. используется ими для обоснования их решений. Как же можно проанализировать данное высказывание? О чем говорит многозначное слово «применяется»? Относится ли оно к прошлому, настоящему или будущему применению нормы?

Ясно, что высказывание не должно распространяться на прошлое, поскольку некая ранее применявшаяся норма может со временем утратить свою действенность. Очевидно и то, что речь не может идти исключительно о настоящем времени, поскольку тем самым область применения слова «действенный» будет слишком сильно ограничена. Должны ли мы сказать, что речь здесь идет о применении в будущем? Кажется, Альф Росс делает именно этот последний вывод, когда утверждает, что высказывание «Норма *p* является действенной» есть предсказание о том, что норма *p* в будущем будет применяться судами.

Однако такое истолкование вызывает определенные мысли.

А. Значение слова «действенный» при данном толковании весьма сильно отклоняется от обычно принятого в словоупотреблении. Представляется совершенно разумным утверждать, что некая норма (в данный момент времени) является действенной, даже если в будущем она, веро-

³⁷ «Я не буду пытаться здесь оценить достоинства этих двух конфликтующих теорий» (Ross A. On Law and Justice. P. 44).

³⁸ Применение нормы означает, что «в решениях, где, как предполагается, присутствуют те юридические факты, которые предусмотрены в правиле, такое правило представляет собой неотъемлемую часть аргументации, лежащей в основании решения; соответственно, правило является одним из решающих факторов, предопределяющих то заключение, к которому пришел суд» (Ross A. On Law and Justice. P. 42). «Соответственно, национальная правовая система, рассматриваемая в качестве действующей системы норм, может быть определена как те нормы, которые в реальности действуют в мышлении судьи, поскольку они воспринимаются этим судьей как социально обязывающие и, следовательно, он им подчиняется» (Ibid. P. 35).

ятнее всего, более не будет применяться (например, если предположить, что она вскорости будет отменена). Россу пришлось бы отбросить такое высказывание как противоречивое.

Б. Поскольку высказывания в области науки о праве для Росса являются высказываниями о действенности правовых норм, они должны пониматься как предсказания. Но в какой степени действительно оправданно называть предсказаниями те утверждения, которые можно найти в некоем учебнике по торговому праву? Нелегко спорить с тем, что по меньшей мере в большинстве случаев правоведа ставят задачу не предсказать будущее поведение судей, а лишь сформулировать высказывания о существующем праве. Что же может означать утверждение о том, что такие высказывания «в действительности» являются предсказаниями, как не то, что речь тут идет в лучшем случае о некоей идеальной, а не реальной науке?³⁹

Мне кажется, что этих возражений можно избежать, если действенность будет истолкована как диспозициональное свойство⁴⁰. При таком истолковании высказывание «Норма *p* является действенной» будет относиться не к будущему, а к настоящему и, таким образом, не будет предсказанием. Это положение дел схоже с любым другим положением дел, которое описывается диспозициональными понятиями. Возьмем в качестве примера высказывание «Сахар является растворимым». Очевидно, что растворимость является свойством сахара, заданным в настоящем, — это свойство не появляется тогда, когда сахар кладут в воду; сахар является растворимым до того, как он фактически будет растворен. Но по сравнению с другими свойствами сахара (например, цветом) растворимость демонстрирует примечательные особенности. Она не может напрямую наблюдаться и проявляется только при определенных обстоятельствах: когда сахар растворяется. Вместе с тем высказывание «Сахар является растворимым» не представляет собой предсказания о будущем растворении сахара, поскольку и тот кусочек сахара, который никогда не соприкоснется с водой и поэтому никогда не растворится, все равно будет растворимым. Здесь, по сути, речь идет о высказывании, утверждающем, что сахар имеет диспозициональную способность растворяться при наличии известных обстоятельств.

Схожим образом может быть объяснена и функция действенности. Я полагаю, что такая интерпретация будет весьма точным отражением обыденного значения слова «действенный» и способа его использования в юридическом языке. Высказывание «Норма *p* является действенной» при таком его прочтении не представляло бы собой предсказания о будущем

³⁹ Этот упрек уже был сформулирован следующим образом: «Здесь мы опять видим, что реализм Росса касается не фактических данных, а сконструированной модели реальности; понятие доктрины конструируется в рамках анализа непосредственного содержания норм на основании понятия действительного права, разработанного Россом» (*Miedziangora J. L'idée de Validité en Droit. A propos du dernier livre d'Alf Ross // Logique et Analyse. 1961. N 13(4). P. 103*).

⁴⁰ О понятии «диспозициональность» см.: *Carnap R. Testability and Meaning // Carnap R. Readings in the Philosophy of Science. New York, 1953.*

применении нормы, а было бы предикативным высказыванием, согласно которому норма имеет диспозициональное свойство применяться при определенных обстоятельствах (если выполняются соответствующие предпосылки). В дальнейшем эти несколько неуклюжие выражения «Диспозициональное свойство быть применимым» или «Диспозициональное свойство применяться» мы заменим коротким словом «юстициабельность». Высказывание «Норма *p* является действенной» в нашем истолковании означает то же самое, что «Если имеются определенные обстоятельства (выполнение необходимых для применения предпосылок), то суды будут применять норму *p*»⁴¹.

Когда мы говорим о действенности (или об юстициабельности) норм права, мы следуем общему словоупотреблению. Но подобная терминология может привести к заблуждениям, если, наряду с нормами и их применением со стороны судей, будет фигурировать также некий новый предмет (то свойство, которое носит название «действенность»). Это привело бы к опасному гипостазированию. Можно беспрестанно предостерегать против весьма распространенной в юриспруденции тенденции за каждым именем существительным видеть некую сущность и за каждым описывающим некое свойство словом видеть само это свойство (а если такое свойство невозможно углядеть, то оно будет постулироваться) — в таких предостережениях никогда не будет недостатка. Нет такого особого свойства действенности. Высказывание «Норма *p* является действенной» устанавливает определенную корреляцию между нормой и ее применением. Можно было бы сказать, что «Судья имеет диспозициональное свойство применять норму *p*» точно так же, как вместо фразы «Сахар имеет диспозициональное свойство растворяться в воде» можно сказать «Вода имеет диспозициональное свойство растворять сахар», никак не меняя при этом смысл самого высказывания⁴². Тогда и высказывание «Потому что она действенна» не дает нам удовлетворительного ответа на вопрос «Почему применяется норма *p*?» (только по отношению к некоему конкретному случаю, где ставится вопрос «Почему норма *p* была применена судьей *x* в случае *y*», будет иметь смысл ответ «Потому что она действенна», т. е. потому что она применяется другими судьями). Это демонстрирует, что «действенность» не указывает на некое свойство нормы, которое могло бы рассматриваться как причина применения нормы⁴³.

Если высказывание «Норма *p* является действенной» понимать как «При наступлении определенных обстоятельств судьи будут применять норму *p*», то станет также ясным, почему такое высказывание не может ис-

⁴¹ Здесь речь идет о «сослагательном наклонении», а не о некой материальной импликации. Замена изъявительного наклонения на сослагательное как раз должна показать, что тут нет никакого предсказания.

⁴² *Stevenson C. L. Ethics and Language. New Haven, 1962. P. 46–53.*

⁴³ Поэтому мы формулируем только обыденное определение слова «действенный». Касательно причин, по которым здесь неуместно эксплицитное определение, см.: *Hart H. L. A. Definition and Theory in Jurisprudence. Oxford, 1953; Ross A. Definition in Legal Language // Logique et Analyse. 1958. N 3–4.*

толковываться как предсказание. Это высказывание относится не к факту применения, а к корреляции между нормой и применением; именно о такой корреляции говорится, что она существует в том числе в настоящем времени. Разумеется, на основании данного утверждения можно предсказать будущее применение нормы, ведь весьма правдоподобно, что некая действенная норма будет применяться в будущем, если при этом не наступит никаких новых обстоятельств, изменяющих ситуацию (например, отмена нормы законодателем или признание ее неконституционной в соответствующей судебной инстанции). Но это может легко привести к заблуждению, которое состоит в том, что некое высказывание о действенности некой нормы (в настоящее время) может быть истолковано как предсказание об ее будущем применении. Здесь следует настоятельно подчеркнуть, что действенность в настоящий момент не всегда позволяет предсказать будущее применение нормы; равным образом такая действенность не постулирует того, что норма была применима в прошлом. Очевидно, утверждение, согласно которому некая норма применяется судами, — очень значимый элемент для доказательства высказывания «Норма *p* является действенной»; однако такое утверждение не является необходимым условием. Также и вновь издаваемые нормы, которые еще не были применены, могут оказаться действенными. Например, на основании опыта, согласно которому суды всегда применяют законы, принимаемые законодателем в рамках предусмотренной конституцией процедуры, некий вновь принятый закон будет истолкован как действенный. И только тогда, когда некая норма не применяется, несмотря на наличие всех необходимых предпосылок, такое неприменение становится доказательством недейственности этой нормы.

Вопрос о смысле высказывания «Норма *p* является действенной» не следует путать с вопросом о том, как можно проверить истинность данного высказывания, хотя бы здесь речь и шла о схожих проблемах. Истинность этого утверждения как эмпирического и общезначимого высказывания нельзя полноценно проверить — здесь возможна только частичная проверка на основании опыта, в рамках которого решающую роль играют наблюдения за фактическим поведением судей.

§ 6. Юстициабельность как критерий действенности. Определение действенности как юстициабельности означает, что в качестве релевантного будет приниматься только судебное применение норм. Оно выступает как достаточное и необходимое условие действенности. Здесь можно задаться вопросом о целесообразности исключения из определения действенности внесудебного применения норм (и правил), а также их соблюдения. Было бы неразумным обозначать в качестве действенных также те нормы, которые в общем соблюдаются, хотя и не применяются судами.

С этой точки зрения Кельзен подверг критике приводимое Альфом Россом определение действенности, которое в данном отношении совпа-

дает с нашим определением⁴⁴. Правовая норма, по-видимому, особенно хорошо выполняет свою задачу тогда, когда она в общем и целом всеми соблюдается; тот факт, что у судьи нет необходимости применять ее, должен выступать как окончательное доказательство ее действительности. Как иронично подмечает Кельзен, обозначение подобной нормы как «недействительной» оказывается весьма сомнительным с точки зрения «реалистического» учения о праве.

Однако если определять действительность как юстициабельность, то данное возражение теряет свою силу. Даже если некая норма в общем и целом соблюдается всеми, то в ситуации, когда она по этой причине все равно не становится применимой (поскольку судьи просто не имеют возможности выносить решения по делам, урегулированным такой нормой), наш критерий позволял бы относить такую норму к действенным. Можно представить себе некое сообщество, в котором вообще не совершаются кражи. Соответствующая норма уголовного кодекса, которая предусматривает наказание за кражу, фактически не будет применена, хотя с высокой долей вероятности можно говорить о юстициабельности данной нормы: если кто-то совершит кражу, он несомненно будет наказан. И только если есть достаточные основания для предположения о том, что норма не будет применена даже в случае ее несоблюдения, она будет рассматриваться как недействительная. Такой результат был бы приемлем и для Кельзена.

Вместе с тем трудно предположить, что норма, которой следуют, но она не является юстициабельной, — это *правовая норма* и что речь идет о правопорядке, нормы которого гарантированы обязательной юстициабельностью. Можно подумать о нормах, регулирующих отношения между членами разбойничьей шайки: даже если такие нормы будут соблюдаться всеми без исключений, этого недостаточно для того, чтобы сделать из этих норм действенные правовые нормы.

Будет бесполезно прямо указать на то, что предлагаемый здесь критерий действительности не может применяться без ограничений. Во-первых, речь идет только о правовых нормах; вопрос о том, в чем состоит действительность других норм, не является предметом настоящего обсуждения. Во-вторых, данный критерий применим только к правопорядкам с обязательной юстициабельностью, что исключает из сферы действия этого критерия международное право и примитивные порядки. В-третьих, он относится только к нормам, которые используются судами. Таким образом, определенная часть конституционных норм и, по меньшей мере, часть правовых решений остаются вне пределов действия данного критерия. Несмотря на указанные ограничения, эти пределы все же остаются достаточно широкими: в их область попадают как нормы (в узком смысле), так и правила (созданные обычаем или властно установленные); как общие, так и индивидуальные правовые нормы.

Названные выше ограничения указывают на то, что слово «действительный» не является однозначным, т. е. его смысл не остается неизменным

---

⁴⁴ *Kelsen H.* Eine "Realistische" und die Reine Rechtslehre. Bemerkungen zu Alf Ross: On Law and Justice // *Österreichische Zeitschrift für öffentliches Recht.* 1959. N 10. S. 1–25.

при применении к различным нормам. Нас это не удивляет. Если подумать о том, что слово «норма» применяется к большому кругу весьма разнообразных феноменов, станет ясным, что однозначность здесь скорее является весьма редким исключением. Вероятно, тщательный анализ поможет открыть еще больше различий. Напротив, возможность нахождения некоего единого, подходящего для всех случаев определения кажется нам очень сомнительной. Но не стоит сожалеть об отказе от такого рода определений, поскольку этот отказ основан на воззрении, согласно которому слова наподобие «право», «справедливость» или «действенность» не обозначают каких-либо сущностей, и что их значение (или значения) может быть прояснено не через уяснение сущности, а только через длительный анализ словоупотребления.

References

- Alchourron C. E. Argumentos Juridicos a fortiori y a pari. *Revista Juridica de Buenos Aires*, 1961, no. 4, pp. 177–199.
- Austin J. L. A Plea For Excuses. Austin J. L. *Philosophical Papers*. Oxford, 1961.
- Bulygin E. Der Begriff der Wirksamkeit. *Archiv für Rechts- und Sozialphilosophie*, 1965, no. 41, pp. 39–58.
- Carnap R. Testability and Meaning. Carnap R. *Readings in the Philosophy of Science*. New York, 1953, pp. 419–471.
- Ross A. *Sobre el Derecho y la Justicia*. Buenos Aires, 1963. 375 p.
- Demolombe Ch. *Cours du Code Napoléon*. Paris, 1888, vol. 1. 804 p.
- Engisch K. *Einführung in das juristische Denken*. 2 Aufl. Stuttgart, 1959. 256 p.
- Frank J. *Law and the modern Mind*. 2nd ed. London, 1949. 368 p.
- Hare R. M. *The Language of Morals*. Oxford, 1952. 208 p.
- Hart H. L. A. *Definition and Theory in Jurisprudence: an inaugural lecture delivered before the University of Oxford on 30 May 1953*. Oxford, 1953. 22 p.
- Hart H. L. A. *The Concept of Law*. Oxford, 1961. 263 p.
- Isay H. *Rechtsnorm und Entscheidung*. Berlin, 1929. 379 p.
- Kelsen H. Eine “Realistische” und die Reine Rechtslehre. Bemerkungen zu Alf Ross: On Law and Justice. *Österreichische Zeitschrift für öffentliches Recht*, 1959, no. 10, pp. 1–25.
- Kelsen H. *Reine Rechtslehre*. Wien, 1960. 404 p.
- Klug U. Bemerkungen zur logischen Analyse einiger rechtstheoretischer Begriffe und Behauptungen. Klug U. *Logik und Logikkalkül*. Freiburg, München, 1962, pp. 177–187.
- Klug U. Grundsätzliches zur Anwendung kybernetischer und informations-theoretischer Methoden im juristischen Bereich. *Festschrift für Hermann Jahrreiss*. Köln; Berlin, 1964.
- Klug U. *Juristische Logik*. 2 Aufl. Berlin, 1958. 189 p.
- Miedziangora J. L'idée de Validité en Droit. A propos du dernier livre d'Alf Ross. *Logique et Analyse*, 1961, no. 13, pp. 92–121.
- Ross A. Definition in Legal Language. *Logique et Analyse*, 1958, no. 3–4, pp. 139–149.
- Ross A. *On Law and Justice*. London, 1958. 383 p.
- Ross A. Validity and the Conflict between Legal Positivism and Natural Law. *Revista Juridica de Buenos Aires*, 1961, no. 4, pp. 9–45.
- Stevenson C. L. *Ethics and Language*. New Haven, 1962. 338 p.
- Wittgenstein L. *Philosophische Untersuchungen*. London, 1953. 273 p.